

МНОГИЕ из тех, кто смотрел телевизор в тот вечер, 16 мая, узнают моего героя. По первой программе Центрального телевидения, напомним, впервые демонстрировалась документальная лента «Процесс», созданная творческим объединением «Экран». В обоих фильмах есть эпизод, снятый в пединституте имени В. И. Ленина и зафиксированный диспут, в котором наряду с преподавателями — историками участвовали аспиранты. Если вы помните, дискутировали они на тему, как в условиях гласности, когда на глазах происходит переосмысление целой исторической эпохи нашего государства, еще недавно преданной забвению, преподавать эту самую историю. И в вузе. И в школе.

Смотрю на экран — и вдруг знакомое лицо: ведет диспут человек поистине легендарной судьбы. В годы войны на него пришла похоронка, и близкие не надеялись его увидеть. А он — заявился: покалеченный, потерявший зрение, но живой.

Смотрю на экран, вспоминаю историю десятилетней давности — историю знакомства с А. Т. Антоненковым, которое началось благодаря «Московскому комсомольцу».

Естественно, не удержалась, позвонила Льву Тимофеевичу. Интересно все-таки, как он, участник фильма, чувствует себя после выхода фильма на экран.

— Получил ли я удовлетворение от картины? Вы, наверное, обратили внимание: фильм отличает фрагментарность. Вот и я подготовил целый методологический семинар, а в картине остались крохи.

— Но все равно понятно, о чем идет разговор. И интересный разговор. Честный.

— Да, но фильм пролежал на полке восемь месяцев. Его не выпускали на экран. Хотя, мне кажется, документальное кино не должно опаздывать, оно должно успевать за жизнью.

— Режиссер, взявшийся за эту картину, наверное, хотел успеть. Не его же вина, что фильм придержали, мягко говоря.

— Я помню его слова, которые сказал он мне при первом же знакомстве: «Сейчас мы шепчемся, а через год об этом кричать будем!». Пророческие оказались слова. И потому обидно, что фильм пришел к зрителю после того, как наши газеты и журналы напечатали очень интересный фактический материал. Ведь в том, что «Огонек» опередил телевидение и напечатал письмо-завещание товарищам по партии, переданное Бухариным своей жене и которое та пронесла через все испытания, скитания по лагерям, не столько заслуга журнала, сколько беда телевидения. Режиссер телевидения Беляев, снявший эту картину, первым нашел жену Бухарина, первым из журналистов познакомился с этой удивительной женщиной, которая с экрана донесла до наших современников светлый образ Бухарина — одного из ближайших соратников Ленина, к которому Ильич относился с глубоким уважением. Жаль только, что самому Беляеву сказать об этом первому не удалось.

— Несмотря на это, фильм хорошо принят телевизионной аудиторией. О нем много спорят, он заставляет многое задумать.

— Вы знаете, сколько было звонков после этого фильма? Буквально в тот же день звонили из Красноярска, Перми, Одессы. Звонили мои аспиранты — бывшие, конечно, которые работают в самых разных уголках страны. И все как один спрашивали: неужели такой фильм зарубили?

— А как вы попали на съемки, не спрашивали?

— И об этом спрашивали. — Так как? — Мне позвонил режиссер Беляев домой. Сказал, что задумал фильм о перестройке. Звонил, естественно, как историк, как преподаватель самого узкого моего в наши дни предмета. Знаю, что я не первый, кому Беляев звонил. Он выбирал человека, который, по его режиссерскому замыслу, выполнил бы в его кинофильме определенную роль. Какую? С этого начался наш первый телефонный разговор с режиссером, он меня еще не видел, когда спрашивал, как я отношусь к Сталину, просил ответить честно. Я сказал: негативно. После этого начались наши переговоры.

— В фильме ваше отношение к Сталину показано. Не в лоб, а очень спокойно. — Да, мы даже поспорили с коллегой доцентом Спектором. Она что-то сказала про то, что в 37-м мне было мало лет и я ничего не могу знать о сталинских временах. А по моей судьбе 37-й год тоже прошелся и оставил свою отметину. Отца моего взяли вскоре после печально знаменитого февральско-мартовского Пленума, сначала брата его Петра,

который, как и отец, был учителем. Братя очень дружили, мы жили в Геленджике, где отец возглавлял районный отдел народного образования. Был в отцовской семье еще один брат — дядя Володя, участник первой русской революции, который после того как революция потерпела поражение, эмигрировал в Америку, работал в Канаде лесорубом и вернулся домой в канун Октябрьской революции — словом, Джек Востеркин из недавней киноленты. Но дядю Володю не тронули, пострадали только два брата-интеллигента. Дело в том, что дядя Петя в молодости был эсером-максималистом, а на отца, наверное, легла тень брата. Я не удивился бы, если б сейчас узнал, что и отца и его брата Петра обвинили в причастности к террористической группировке — тогда такие доносы были обычным делом.

— И эти аресты сказались на вашей судьбе?

— А как вы думаете, если тебе 15 лет — возраст, когда все воспринимаешь очень остро, а тебя называют не иначе, как сыном врага народа?! Ходили мы по Геленджику вместе с товарищем Вовкой Семеновичем, у которого отца, земского врача, как и моего, арестовали в одночасье, — а на нас пальцами показывают. Морально, скажу я вам, очень неудобно себя чувствуешь. А теперь этот мой геленджикский товарищ в МГУ кафедрой геологии заведует. И отцов наших оправдали. Моего через три года выпустили — за отсутствием состава преступления. Но три года, которые он провел в лагере, строил железную дорогу где-то в Карелии, не прошли для него бесследно. По крайней мере отец больше никогда не занимался педагогической деятельностью.

Меня же исключили из комсомола как сына врага народа. Правда, через два с половиной года восстановили — тогда Сталин обратился к народу со словами: сын за отца не ответчик. У меня комсомольский билет сохранился. С ним я всю войну прошел. Все документы растерял, а комсомольский билет остался цел — вот что удивительно.

Я держала в руках этот комсомольский билет № 2555567, принадлежащий Антоненкову Льву Тимофеевичу, 1921 года рождения, документ своего времени, в котором отразились противоречия сталинской поры. И всматривалась в даты: время вступления в комсомол — май 1936 г., выдан билет 11 марта 1939-го. Комсомольские взносы, естественно, тоже платятся с марта 1939-го...

— Вот вы сказали, что отец после лагеря, хотя его и оправдали, никогда больше не занимался педагогической деятельностью. А вы стали педагогом. По примеру отца?

— Нет, здесь больше виноваты обстоятельства. Я приехал после школы в Москву, поступил в строительный институт. Со студенческой скамьи ушел на фронт. В 39-м, как вы знаете, началась война с финнами. И весь наш первый курс оказался в армии. Финская операция очень быстро показала наше неумение вести войну в специфических условиях этой местности — финны отличные стрелки, отличные лыжники. Вот и нас сначала в Чебоксарах, затем в Горьком стали готовить для боевых действий в Финляндии. А я на юге вырос, лыжи в армии первый раз увидел — какой из меня лыжник?! Пока нас учили, все закончилось, а в 41-м я в составе 771-го стрелкового полка 137-й дивизии уже воевал.

Я, когда со студентами говорю, всегда предостерегаю, чтобы они не верили бравадным фильмам про войну, когда партизан с берданкой фашистов победят, и те, как нашего партизана увидят, сразу «Гитлер наут!» кричат. Брат немцев в плен в 41-м было сложно. Шли войки — сильные, уверенные в себе. А мы отступали. Я этого своим студентам не говорю, но спасая я тогда благодаря своим длинным ногам. Помню, в районе Вязьмы мы вышли, наткнулись на часть НКВД. С неделю нас держали, пока мы проверку не прошли. Потом я получил направление во 2-е танковое училище, и уже танкистом вернулся на фронт. В составе 32-й бригады 5-й танковой армии прошел Украину, Молдавию, Румынию...

В Румынии, в местечке Думбравце, меня и ранило. Вой был тяжелый, не знаю, как удался выскочить из танка, в башню которого попал снаряд, но через несколько мгновений на месте, где стоял наш танк, взвился столб пламени. Помню только: правой руки уже не было, но я еще видел: далеко-далеко наша машина. Вроде, как механик-водитель меня тащил по полю под немецким обстрелом помню, как луж танка открыли и меня втащили внутрь — отрывочно, но помню. А через недели три, когда очулся в Умани и услышал украинский говор, открыл глаза — и ничего не вижу.

Пока по прифронтовым госпиталям кочевал, о квалифицированной помощи и речи быть не могло — так и глаза потемнели. Когда в квалифицированную глазную клинику попал, врачи сказали: поздно!

23 года лейтенанту, а он без руки и слепо! Тяжко...

Год почти в госпиталях отлеживался, подлечился, выписался. А куда деваться —

Мороз Т.

МУЖЕСТВО БЫВАЕТ РАЗНОЕ

Лев Тимофеевич АНТОНЕНКОВ, доктор исторических наук, профессор: «В чем наша ошибка на нынешних выборах делегатов на Всесоюзную партийную конференцию? Мы не научились пользоваться гласностью как инструментом демократии. Это первое. И второе: важнейший ленинский тезис «Учиться у масс» находится в забвении. Его давно вытеснил из жизни кабинетный стиль...»

не знаю. Ни профессии, ни работы. О том, чтобы восстановиться в МИСИ, и мысли не было — какой из меня строитель? А желание учиться было огромное. Люди подсказывали: гуманитарное образование легче дается. И пришел в педагогический имени Ленина — на исторический факультет. Пришел в группу, где в основном фронтовики. Группа меня и учила. По очереди со мной занимались, читывали лекции, труды классиков, писали под диктовку рефераты...

— И со своей женой вы в институте познакомились?

— Она как раз из тех, благодаря кому я учился. Была у нас Нина Карташова, партгор курса, моя Оля с ней дружила. Обе, как и я, фронтовички. Не дали бро-

сит учебу, в самые трудные времена держали, приободрили. Потом с Ниной Карташовой мы вместе в аспирантуре учились... Ну а кандидатскую писал вместе с женой. Точнее, я надиктовывал. А так как она тоже историк, то мы даже ссорились с ней, она пыталась настоять на своем, а я говорил: «Это моя диссертация!»

Филатова. Делали пересадку роговицы, а донорская ткань не приживалась. Потом услышал про новую методику академика Краснова Михаила Михайловича, который для замены поврежденной роговицы применил впервые чистый плексиглас. Это идея подсказана войной: у летчиков-истребителей при различных столкновениях в бою разбивался плексигласовый колпак, осколки попадали в глаза и никаких последствий не вызывали. Меня оперировал ученик Краснова Удинцов Борис Евгеньевич. Из его пациентов я был 51-й по счету, и все закончилось удачно. Операция, конечно же, утомительная — три с половиной часа пролежал на операционном столе. Но я привык — сколько до этого лежал в той же Одессе!

— И как вы впервые поняли, что видите?

— Прямо на операционном столе. Вдруг я увидел такой яркий свет, что глазам стало больно. Физически свет так давит, что хочется спрятаться. Хирург спрашивает: «Что, мешает?» — «Очень даже», — говорю. — «Что видите?» — «Пять пальцев», — отвечаю. Это он свою руку показал.

Но что самое интересное, 6 октября 1977 года мне сделали операцию, а на следующий день сняли повязку. В Одессе я после операции по две недели на спине лежал — после этого ходить заново учился. А тут на следующий день за мной в палату приходят и говорят: «Пождемте!», заводят в кабинет и показывают, что читать. Читайте первую строку, вторую... Очки мне еще не подобрали, но я уже понимал, что вижу!

— И не разучились читать?

— Не разучился, хотя 32 года прошло с того дня, как ослеп. Вот писать учился с трудом. Карандаш держать левой рукой не привык — тут была большая трудность. Теперь пишу быстро.

Тогда же, помнится, только-только повязку сняли, возвращаюсь в палату, там газета. Беру в руки, текст — к глазам, вижу все. «Хотите, говорю, я вам политинформацию сделаю?». Прочитал заметку — мне не верят, подошли, проверили. Надо же, говорят, и вправду, читает!

— А как домашние эту новость восприняли?

— Звоню жене в институт из автомата и говорю, что вижу. Хочешь, говорю, скажу номер автомата, по которому звоню? Она на работе была. Слышу: всхлипывает, а потом спрашивает: «А еще что видишь?» — «Пол в шашечку», — отвечаю.

Про этот «пол в шашечку» мы теперь со смехом вспоминаем. А тогда это было целое открытие и для меня, и для нее, и для всех наших друзей, которые очень за меня переживали.

Тут моя Оля подхватила дочерей, с ней наш товарищ, с которым мы вместе тогда в пединституте работали, — и ко мне в больницу. Только на ступеньки, а там уже разговоры: на 5-м этаже — какая радость — человек 32 года не видел, а теперь увидел! Они уже на этаже, а я по коридору прогуливаюсь, Оля потом рассказывает, и мимо них так гордо прохожу...

— Не узнали?

— А как я их мог узнать?! Мне голос нужно было услышать! Вот когда Оля заговорила, я впервые ее увидел. Меня поздравляют, а я говорю: «Погодите, дайте хоть на девочек своих посмотреть!». Вот такое чудо со мной произошло.

— В том самом году, когда мы с вами познакомились?

— А это тоже Оля. Она сначала очень меня оберегала, по-прежнему газеты читала сама вслух. Вдруг говорит: «Лева, в «Московском комсомольце» про твою 32-ю танковую бригаду написано». И читает, как ветераны-танкисты каждое 23 февраля встречаются у комсорга батальона Нины Яковлевны Вишневецкой, адрес был указан в газете. И я написал открытку Нине.

— Вы МНОГО лет работаете с молодежной аудиторией, со студентами и прекрасно понимаете, что волнует нашу молодежь сегодня. Скажите, пожалуйста, часто ли вам сейчас задают вопросы, на которые вы затрудняетесь ответить?

— В пединституте учатся в основном девочки, они склонны верить преподавателю, это в технических вузах ребята любят острые вопросы. И все же вот одна умная девочка задала мне как-то нелегкую задачку. Говорит: марксизм-ленинизм выстукает против терроризма, это не его метод, не его тактика, но в нашей истории есть личности — Желябов, Халтурин, которые боролись с самодержавием террористическими методами. А если бы нашлся террорист, задумавший убить Сталина? И тут же еще один горячий вопрос: если Сталина убрать как личность, все бы по-старому осталось?! Вот и отвечай.

— Трудный вопрос. Но в эпоху гласности студенту обо всем можно спрашивать.

— А задача преподавателя — помочь ему разобраться. Ведь когда Хрущев пришел на смену Сталину, многое поменялось в нашей жизни. И те слова о перестройке, которые мы произносим с легкостью, впервые зазвучали именно при Хрущеве.

— Скажите, а какой наиболее важный вопрос, на ваш взгляд и историка, и человека, должен остро обсуждаться на XIX Всесоюзной партийной конференции? И если бы вам довелось выступать на ней, какую позицию вы бы отстаивали?

— Принято считать, что в силу исторических условий у нас не может быть альтернативы однопартийной системе. Моя точка зрения: мы поссорились и не помирились с левыми эсерами в свое время. А если бы мы с ними помирились, не было бы ни антоновщины, не было бы крестьянских мятежей. Ведь у левых эсеров был громадный авторитет у крестьян, народ за ними шел. О том, что страна переживает острый политический кризис — самый острый за годы Советской власти, Ленин говорил в обстановке, которая сложилась сразу после гражданской войны. Но мы почему-то раз и навсегда решили, что наша однопартийная система самая идеальная. Какая же она идеальная, если нас, коммунистов, некому критиковать? Что касается самокритики, она не всеми уважается. Вот и остается: верхи критикуют тех, кто стоит ниже на социальной лестнице. Ну а критика снизу большого эффекта не дает. Я считаю, что вопрос о многопартийности может быть внесен в повестку дня Всесоюзной конференции. Тогда будет проще решать многие вопросы, в том числе и социальные. Но, чтобы пойти на это, надо иметь мужество.

— Вы считаете, что процесс демократизации у нас во многом сдерживается именно по этой причине?

— Это одна из причин. Вторая сидит в каждом из нас. Это инерция мышления, привычка, что все равно без нас решат. Так пока еще думают очень многие. К сожалению. Надо сломать эту примиренческую психологию. Наше поколение, воспитанное на старых традициях, трудно перевоспитать. Но молодые не имеют права так думать. Вот что для меня важно как для преподавателя, который читает студентам самый сложный на сегодняшний день предмет.

Сейчас каждый имеет право на свою точку зрения. Главное, чтобы мы не воспитывали догматиков — учили студентов думать.

— То есть вы хотите сказать, что и историю в наше время можно преподавать по-разному?

— Несложно школ в науке — это нормально. В истории, как ни в чем другом, необходим анализ противоположных точек зрения. Печать в этом отношении далеко опередила преподавание. В «Известиях» появилась рубрика «Письма не для печати».

Или давайте вернемся к фильму «Процесс». Там был момент, который не вошел в картину: один мой аспирант высказал крамольную вещь, объяснив Сталина преступником, — не забывайте, что фильм снимался год назад и тогда так прямо говорить немногие могли.

— Да, но эта фраза все же прозвучала в фильме — только в устах жены Бухарина.

— И очень точно прозвучала. Она — ниточка к пониманию того, что многие сегодняшние наши беды — сталинское наследие. Хорошо, если это не останется фразой, а проникнет в сознание людей. Но для этого надо захотеть понять.

Вот сейчас много пишут о выборах на XIX Всесоюзную партийную конференцию — и там не так выборы проходят, и там формализм присутствует... В чем наша ошибка на нынешних выборах делегатов на Всесоюзную партийную конференцию? Мы не научились пользоваться гласностью как инструментом демократии. Это первое. И второе: важнейший ленинский тезис «Учиться у масс» находится в забвении. Его давно вытеснил из жизни кабинетный стиль работы, которым болеет все наше общество — давно и устойчиво.

— А в перестройку вы верите?

— Если бы не верил, не имел бы права сегодня работать с молодежью.

Татьяна МОРОЗ.